

УДК 94(47)''18/19''+058.222

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.099–112

«МУЖИКИ-ДВОРЯНЕ» В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА ¹

В.А. Шаповалов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

В статье рассмотрена повседневность представителей «дна» российского поместного дворянства. Особое внимание здесь уделено показу результатов «самораздворянивания» быта и хозяйственной деятельности мелких помещиков. Визуализацию их жизненного пространства и их внешнего вида весьма трудно было зримо соотнести с образом барских усадеб, дворянского быта. В то же время для части мелкопоместного дворянства был характерен сословный гонор, который проявлялся в отношении их нескольких крепостных душ. «Мужики-дворяне» часто работали на земле вместе со своими крестьянами. Среди них было очень много безграмотных. По сути, они являлись маргинальной социальной группой. Это напрямую отражалось в их поведенческом коде, который не совпадал с кодом верхних страт дворянства и, соответственно, с крестьянским.

Ключевые слова: мелкопоместное дворянство, «мужики-дворяне», «панки», крестьяне, повседневность, досуг.

Беспоместные и мелкопоместные дворяне (в дореформенный период не имевшие крепостных, владевшие до 20 рев. душ, в пореформенный период – не имевшие земли или владевшие до 100 дес. земли) в рамках российского благородного сословия были заметным социальным явлением. В конце 70-х гг. XVIII в. они составляли 59 % от общего числа дворян-помещиков, в середине 30-х гг. XIX в. – 53,5 %, а концу 50-х гг. XIX в. – 41,6 %². В 1877 г. число владений мелкопоместных дворян по 44 губерниям Европейской России насчитывало 56 411 (50 %), в 1905 г. – 59 748 (58,9 %)³. Европейцы, проживающие в России, поражались низкому уровню жизни значительной части дворян. Уроженец Женевы Этьен Дюмон в дневниковой записи 1803 г. сделал суровое заключение: «Русское дворян-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Русь и соседние народы в XIII–XV вв.: идентичности и политические отношения» (№ 23-28-01032).

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 89.

³ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979. С. 62.

ство самое бедное во всем свете»⁴. Это была усреднённая оценка страты мелких помещиков, но среди них было большое количество тех, кто, по сути, вёл крестьянский образ жизни, лично ходил за сохой, убирал хлеб и пас скот. К моменту отмены крепостного права из 253 068 потомственных российских дворян 109 444 (43,2 %) лично занимались хлебопашеством⁵. Современники называли их «мужики-дворяне»⁶. Именно этой категории дворянства посвящено настоящее исследование.

Беспоместному и мелкопоместному дворянству как в дореволюционный, так и в советский периоды отечественной историографией уделялось весьма мало внимания. Особенно это касается низших подгрупп страты мелких помещиков. Интерес исследователей в первую очередь ограничивался сферами землевладения и землепользования. При этом в работах авторов А.И. Васильчикова, И.И. Кауфмана, В.В. Святловского, М. Яснопольского вопрос о мелкопоместном землевладении и хозяйственной деятельности мелких помещиков не являлся основным, он рассматривался в контексте стратификационных особенностей и нередко носил опосредованный характер⁷. Нижние подгруппы мелких помещиков в них не рассматривались. Хозяйственная деятельность «мужиков-дворян» фрагментарно отражена в публицистических очерках И. Вернера и Н.А. Хлопова, где показан крестьянский образ жизни данных дворян, которые нанимались батраками к зажиточным крестьянам или сахарозаводчикам, лично пахали землю, пасли скот, иногда в худших условиях, чем крестьяне. Например, в отличие от крестьян, у них не было выгонов для скота⁸.

В советский период отечественной историографии дискурс экономической составляющей мелкопоместной страты оставался в рамках землевладения, душевладения и землепользования⁹. Однако работы этого перио-

⁴ Цит. по: *О'Марра П.* Русское дворянство времен Александра I. М., 2023. С. 38.

⁵ *Миронов Г.Е.* История государства Российского: историко-библиографические очерки. М., 1995. С. 125.

⁶ *Хлопов Н.А.* Мужики-дворяне (Бытовой этюд) // Исторический вестник. 1903. Т. 91. С. 1030.

⁷ *Васильчиков А.И., князь* Землевладение в России и других Европейских государствах: в 2-х т. СПб., 1881. Т. 1.; *Кауфман И.И.* О задолженности землевладения в связи с статистическими данными о притоке капиталов к поместному землевладению со времени освобождения крестьян // Временник Центрального статистического комитета МВД. 1898. С. 2–20; *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России. СПб., 1911; *Яснопольский М.* Развитие дворянского землевладения в современной России // Мир Божий. 1903. № 12. С. 220–231.

⁸ *Вернер И.* Землепользование и земледелие в Курской губернии // Русская мысль. 1887. Кн. IV. С. 52–74; *Хлопов Н.А.* Указ. соч. С. 1030–1036.

⁹ *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1965; *Его же.* К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 192–227; *Проскурякова Н.А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начала XX вв. // История СССР. 1973. № 1. С. 55–75; *Шенукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской

да, несмотря на сильный идеологический фактор, отличает скрупулёзная детализация решаемых вопросов, большой территориальный охват, глубина и широта выводов. Но мелкопоместные дворяне не стали объектом специального исследования. На современном этапе отечественной историографии в рамках рассматриваемой проблематики приоритет отдается вопросам землевладения, хозяйственной деятельности, стратификации дворянства¹⁰, в то же время появляются работы, в которых мелкопоместное дворянство, включая «мужиков-дворян», становится объектом пристального изучения. В частности, это работы И.В. Истоминой, В.В. Морозана, Л.М. и Р.А. Рянских¹¹.

В дооктябрьский период российской историографии сюжеты повседневной деятельности мелкопоместного дворянства, с учётом его низших подгрупп, освещались в дискурсе травелога. Путевые заметки командированных чиновников содержат сведения о встречах с различными категориями дворян как в дореформенный, так и пореформенный периоды. «Мужики-дворяне» отображены в травелогах А. Борецкого, В.С. Мышецкого, Н.А. Хлопова¹². Авторы описывают внешний вид, жилища, хозяйственные занятия, самооценку представителей беднейших категорий дворянства, социальные ожидания и запросы которых мало чем отличались от крестьянских. Их и внешне трудно было соотнести с представителями благородного сословия. В ряде сюжетов четко прослеживается авторская ирония, но она неотделима от интонации определенной жалости к таким представителям дворянства и ощущения их обреченности.

В советской историографии повседневность не являлась темой специальных исследований, её рассматривали в основном в качестве буржуазного исторического нарратива, тем более если вопрос касался повседневных реалий благородного сословия. В современной отечественной историографии тема повседневности разрабатывается обстоятельно, включая вопросы сословного и гендерного планов. Повседневность мелкопоместно-

России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 388–420.

¹⁰ *Литуев В.Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997; *Миронов Б.Н.* Указ. соч.; *Миронов Г.Е.* История государства Российского: Историко-библиографические очерки. М., 1995.; *Савельев П.И.* Аграрный менталитет русского дворянства в XIX веке // Общественно-политическое движение России XVII–XX вв. Самара, 1993. С. 25–32.

¹¹ *Истомина И.В.* Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013; *Морозан В.В.* Мелкопоместное дворянство центрально-земледельческого района России в XIX веке // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX вв. СПб., 2012. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 9). С. 23–42; *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. Курск, 2009.

¹² *Борецкой А.* Захудалое дворянство (Из летних экскурсий) // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 339–346; *Мышецкий В.С.* Воспоминания // Исторический вестник. 1896. № 11. С. 878–905; *Хлопов Н.А.* Указ. соч. С. 1030–1036.

го дворянства находит отражение в работах Л.В. Беловинского, И.В. Истоминой, Л.И. Колесниковой, Е.В. Лаврентьевой, О.С. Муравьевой, И.Г. Оноприенко, С.Д. Охлябинина, И.М. Пушкаревой, Н.А. Юдичевой¹³. В них представлен широкий спектр исследований повседневности мелких помещиков, отчасти и «мужиков-дворян», включая их одежду и внешний вид в целом, жилища и интерьер, свободное времяпрепровождение, специфику ценностных устремлений, отношение с крестьянами и представителями верхних страт дворянства, хозяйственные занятия. В работах нашла отражение маргинальность низших подгрупп помещиков в контексте внутрисословных связей.

Из зарубежной современной историографии следует выделить работы С. Беккера и П. О'Марры.¹⁴ В них авторы показывают плачевное экономическое состояние хозяйств низших подгрупп мелких помещиков, их локацию в рамках отдельных селений, представляющих собой жалкое зрелище; суждения англоязычных исследователей о социальной дифференциации российского дворянства, где разрыв между противоположными полюсами был огромен, весьма показательны.

В рассматриваемом вопросе особую информативную ценность имеют произведения русских классиков – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Тургенева, И.А. Бунина, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого. Являясь очевидцами дореформенной и пореформенной трансформации российского дворянства, они создавали легко узнаваемые обобщенные образы представителей первого сословия с их переживаниями, страхами, надеждами и разочарованиями. Нельзя не упомянуть здесь и так называемых русских писателей XIX в. второго плана, среди них в преломлении к рассматриваемой проблематике выделяются такие авторы, как В.Т. Нарезный с его романом «Российский Жилблаз, или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», А.А. Потехин с романом «Бедные дворяне», С.Н. Терпигорев (С. Атава) с циклом очерков «Потрясенные тени»¹⁵. Именно в данных произведениях очень объёмно и тонко показана

¹³ Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: изба и хоромы. М., 2012; Истомина И.В. Указ. соч; Колесникова Л.И. Корочанские мелкопоместные усадьбы // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж, 2001; Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005; Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1995; Оноприенко И.Г. Повседневная жизнь дворянства Центрального Черноземья в 50–90-е гг. XIX века: традиции и новации. Белгород, 2010; Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М., 2006; Пушкарёва И.М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1999. № 4 С. 14–29; Юдичева Н.А. Быт и нравы крестьян и дворян пореформенной России // Преподавание истории в школе. 1996. № 7 С. 52–55.

¹⁴ Беккер С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. (Серия *Historia Rossica*); О'Марра П. Указ. соч.

¹⁵ Нарезный В.Т. Российский Жилблаз, или похождение князя Гаврилы Симоновича Чистякова. М., 2016 (Русский литературный архив); Потехин А.А. Бедные дво-

психология самих низов дворянского общества, их повседневность, совершенно отличная от будней представителей верхних страт благородного сословия. В целом же повседневность «мужиков-дворян» в историографии отражена фрагментарно: она вписана небольшими сюжетами в канву повседневности всей мелкопоместной страты, несмотря на то что разница в социальном плане между владельцем 1–10 дес. земли или 2–3 крепостных душ и владельцем 50–100 дес. или 15–20 рев. душ была очевидна.

Перед непосредственным анализом поставленной проблемы необходимо остановиться на самом понятии «повседневность». Необходимо отметить, что сегодня нет общепринятой дефиниции понятия «повседневность». Авторам наиболее близко определение понятия «повседневность», предложенное Л.В. Беловинским. Он рассматривает повседневность как практическую реализацию в процессе общественного бытия существующих и выработку новых культурных норм и стандартов человеческой жизнедеятельности, формируемых жизненным опытом индивида и социума. Она выступает как сочетание различных видов специализированной и обыденной деятельности, детерминированных ценностными ориентациями человека, переживающего здесь и сейчас как настоящее, так и неотъемлемое от него прошлое, переживаемое как субъективно, в живом восприятии людей, так и объективно – как данность, налагающую отпечаток на настоящее¹⁶.

При этом повседневность выражается в «правилах игры» коллективной жизни социума: мотивациях, социальной стратегии, нормах и правилах, стандартах адаптивной деятельности, взаимоотношении людей в организации, коммуникации, в правах, обычаях, ритуалах, стереотипах восприятия и поведения, вкусах, творчестве, труде, отдыхе и других регуляторах общественного поведения¹⁷.

Авторитетный американский социолог, психолог и психиатр Ирвинг Гофман в своей работе «Представление себя другим в повседневной жизни» подчеркивает: «В повседневной жизни, конечно, есть чёткое представление того, что первые впечатления важны»¹⁸, и от этих впечатлений выстраивается вся линия коммуникации с конкретным индивидом. Русская народная пословица «По одежде встречают, по уму провожают»¹⁹ подтверждает важность первых впечатлений о человеке, пусть они со временем и изменятся. Внешний облик человека характеризует его со многих сторон, демонстрируя его отношение не только к себе, но и к обществу в целом. При этом, как правило, он указывает на место индивида в социальной иерархии. В рассматриваемом контексте внешний вид представителей низших подгрупп дворян, несомненно, являлся визуальным маркером их

ряне // Сочинения: в 12 т. СПб., 1904. Т. 4.; *Терпигорев С.Н. (Атава С.)*. Потревоженные тени. М., 1988.

¹⁶ *Беловинский Л.В.* Культура русской повседневности. М., 2016. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 7–8.

¹⁸ *Erving Goffman* The presentation of self in everyday life. University of Edinburgh. Social Sciences Research Centre, 1956. P. 5.

¹⁹ *Рыбников М.А.* Русские загадки, пословицы и поговорки. М., 2021. С. 482.

статусности. Первая визуализация «мужиков-дворян» уже репрезентировала, что представляет собой так называемый представитель благородного сословия. Так, В.Т. Нарезный в романе «Российский Жилблаз», сюжет которого охватывает конец XVIII в., несколькими предложениями показывает внешний вид князя Гаврилы Чистякова, который должен был вызвать у читателя оторопь и некоторое смущение: «Приведение сие имело с виду подобие мужчины под пятьдесят лет. Волосы его всклокочены и наполнены грязью, которая также залепляла лицо и руки, оцарапанные до крови; платье всё в лохмотьях; одна нога босая, другая лапте; оно дрожало от холода, глаза были томны и унылы», далее он представился: «Что я князь природный – это такая истина, как то, что теперь существую. Я называюсь князь Гаврило Симонович князь Чистяков»²⁰.

В.Т. Нарезный был не слишком далёк от истины, описывая внешний вид беспоместного князя Чистякова: в России среди поместного дворянства было определённое число представителей разорившихся княжеских родов, которые вели крестьянский образ жизни. Зарубежный путешественник применительно к сер. 40-х гг. XIX в. отмечал: «В окрестностях Воронежа встретил несколько семейств свободных хлебопашцев, которые своей рукою занимались земледелием, но владели несколькими душами крестьян. Эта была захудалая княжеская фамилия, члены которой, в отличие от односельчан, носили красные фуражки»²¹. Вероятно, для данных представителей княжеской фамилии красные фуражки были отличительным символом их богатой и старинной родословной, знаком, который должен был внешне отличать их от крестьян.

Современники, характеризуя внешний вид представителей нижних подгрупп мелкопоместной страты, обязательно подчеркивали их «недворянскость», словно демонстрируя непреодолимую грань визуального порядка между «истинным» дворянством и его внутрисословным антиподом – «мужиками-дворянами». Внешняя «недворянскость» выражалась в неухоженности разных частей тела, фасонах костюма и обуви, где превалировали элементы крестьянской одежды. В ряде случаев одежда и обувь служили одновременно и помещикам, и крестьянам. В частности, А.И. Кошелев отмечал: «Многие мелкопоместные дворяне сами извозничают, ямщицествуют, пашут вместе со своими крестьянами, носят одни и те же кафтаны, полушубки, тулупы и сапоги. У многих мелкопоместных во всем доме один или два тулупа, кафтан, одна пара сапог, которые служат то барину, то мужику, глядя по тому, кто едет в дорогу, в лес, на мельницу и пр.»²². Фасоны одежды мелких помещиков обычно соотносимы с одеянием низших слоев общества. Так, С.Н. Терпигорев (С. Атава), выходец из тамбовских помещиков средней руки, в автобиографических очерках «По-

²⁰ Нарезный В.Т. Указ. соч. С. 20.

²¹ Порай-Кошиц И. История русского дворянства. Романович–Славатинский А. Дворянство в России. М., 2003. С. 212.

²² Цит. по: Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: изба и хоромы. М., 2012. С. 332–333.

тревоженные тени» описывает местных представителей «дна» мелкопоместного дворянства следующим образом: «Проезжая, мы видели некоторых из владельцев, расхаживающих у себя по двору в красных рубахах, совсем как кучера, или в широких грязных парусинных пальто, как дворовые. Видали и их жен вдали, сидевших в усадьбе или на берегу, окруженных бедно и грязно одетыми детьми»²³.

Неопрятный вид мелкой помещицы сочетался с неухоженностью её рук, что подчеркивало социальную дистанцированность последней от дам благородного круга. Недаром говорят, что руки – визитная карточка женщины: «Анна Ивановна Мутовкина, женщина лет пятидесяти, среднего роста, с лицом вечно умильно улыбающимся, хотя глаза у неё бегают как-то тревожно... Одетая она не то чтобы бедно, а как-то неопрятно: одно плечо выпачкано мелом – это она дома стояла у печки и грелась; на оборках у платья сухая грязь – как забрызгалась, так с тех пор и не почистила его; мантия спереди вся закапана – ела, соусом закапалась – она отвратительно ела, – салфеткой кое-как вытерлась, пятна и остались. Но самое для нас у неё было – это руки, маленькие, красные, с обгрызенными пальцами и все в цыпках, то есть с грубой и потрескавшейся кожей»²⁴.

В пореформенный период социальная деградация мелкопоместного дворянства ускорилась. Значительная их часть порвала связь со своими мизерными земельными участками, оставшись без одной-двух крепостных душ, превратились в обер-кондукторов на железных дорогах, десятников и старших рабочих на строительстве тех же дорог, а то и просто бродяг, обитателей городских трущоб и ночлежек²⁵. Внешним символом «мужиков-дворян», оставшихся в деревнях и селах, стали лапти. Во всяком случае современники, рисуя их словесный портрет, обязательно указывали на лапти. В частности, чиновник-путешественник, проехав Самару, был поражён внешним видом деревни, сплошь населенной представителями «дна» помещного дворянства. Они были обуты в лапти. Ямщик объяснил барину историю их «переобувания»: «... Долго вишь они не хотели этих самых лаптей одевать, все крепились, – то есть, бывало, босые ходят, а лаптей не одевают... Ну, одначе, как-никак, а одели же... Теперь в лаптях щеголяют не хуже нас грешных»²⁶. Сословный гонор, согласно данному контексту, со временем исчез. Внешний вид беднейших дворян села Толмачевка Курской губернии современник описывает всего парой слов – «ходят в лаптях»²⁷ – и этим всё сказано. То есть «мужики-дворяне» и крестьяне с точки зрения внешнего вида фактически представляли тождество.

Внешнему виду «мужиков-дворян» соответствовал и внешний вид их жилищ с внутренним убранством. Особенностью расселения представите-

²³ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Указ. соч. С. 270.

²⁴ Там же. С. 148.

²⁵ Беловинский А.В. Культура русской повседневности. С. 212.

²⁶ Борецкий А. Указ. соч. С. 346.

²⁷ Вернер И. Землепользование и земледелие в Курской губернии // Русская мысль. 1887. Кн. IV. С. 55.

лей нижних подгрупп мелких помещиков являлась их скученность в рамках одного населенного пункта. Это было следствием дробления имений. Данный процесс хорошо продемонстрировал С.Н. Терпигорев (С. Атава): «... Нам приходилось проезжать через большое село Всесвятское, сплошь состоявшее из мелкопоместных. Маленькие усадьбы с домиками и надворными строениями, крытыми соломой, при них садики с густо разросшимися яблонями, грушами, вишнями, рябиной, черемухой... а невдалеке три-четыре двора и их крепостные. Из таких усадеб, вперемешку с крестьянскими избами, состояло все Всесвятское. Когда-то давно оно принадлежало трём помещикам (земли которых сходились тут клиньями), поселившимся невдалеке друг от друга... Но это было давно, и с тех пор наследники их, множась, поделили их земли, расселились и обустроились каждый отдельно, и оттого стало в Всесвятском такое множество помещиков, хотя все они носили всего три фамилии: Зыбиных, Чарыковых и Неплюевых...»²⁸.

Дома беднейших дворян внешне трудно было отличить от изб нижних подгрупп крестьян. Это постоянно подчеркивалось при описании данных «усадб»: «Когда я попросил крестьян указать, где живёт помещик, мне показали на бедную полуразвалившуюся лачужку, крытую соломой. Я не поверил, но оказалось, что он действительно живет здесь... Я наконец вошёл в отворенную дверь и заглянул внутрь, то был просто поражён: потолок грозил ежеминутно обрушиться, и хозяин, желая, конечно, предотвратить подобную катастрофу, расставил там и сям подпорки; окна перекошились, в углах плесень, пол пришёл в состояние полнейшей негодности, всё ветхо, старо до невозможности, всюду грязь, пыль, паутина... Одним словом, оставалось только удивляться, как может человек жить в подобной норе, а между тем тут жил, да еще кто? Помещик! ... Домишко был крохотный, в две какие-то коморки. Мебели сколько ни будь порядочной, разумеется, никакой; комфорта какого-либо и подавно. Бедность, крайняя бедность сквозила повсюду»²⁹.

Автор приведённых строк удивлён, что это может быть жилищем помещика, т. е. поместного дворянина. Тональность и содержание данного фрагмента текста подчёркивает несомненную дискредитацию дворянского достоинства внешним видом и внутренним убранством данной «усадьбы».

В пореформенный период внешний вид домов «мужиков-дворян» ещё более приобретал черты жилищ беднейших слоёв общества. В качестве примера можно привести описание деревни, населённой исключительно дворянами и расположенной недалеко от Самары. Подобные деревни крестьяне презрительно называли «сорокапановками», а их жителей «панками»³⁰. Увиденная автором деревня выглядела так: «... Вдоль дороги то там, то сям показываются какие-то странные домики. Одиноко, сиротливо стоят они в открытом поле. Не видать вокруг них ни сада, ни зеленой ветлы, нет даже

²⁸ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Указ. соч. С. 269.

²⁹ Мышецкий В.С. Воспоминания // Исторический вестник. 1896. Т. LXVI. С. 884.

³⁰ Борецкий А. Указ. соч. С. 340; Беловинский Л.В. Культура русской повседневности. С. 212.

плетней, нет сараев, без которых немислима никакая крестьянская хата.

Печать беспомощности лежит на этих странных домиках; их крыши из старой прогнившей соломы растрепаны, точно всклокоченные мужицкие головы; трубы покривились и еле-еле держатся. Стёкла во многих окнах выбиты, а двери заткнуты грязным тряпьём. Словом, всё говорит о горькой нужде, о бесприютности»³¹.

Визуальный контур повседневности, выраженный жалким жилищем, убогой одеждой, обувью и в целом внешним видом, не мог не отразиться на социальном самочувствии «мужиков-дворян», их системе взаимоотношений с собственными крестьянами. Данная система была весьма своеобразной. С одной стороны, представители низших подгрупп мелких помещиков постоянно подчеркивали несколько крепостным крестьянам собственное дворянское достоинство. С другой – барин и крестьяне часто жили под одной крышей «усадыбы-избы», состоявшей из пары комнат, нередко вместе работали на земле. В такой ситуации, в отличие от имений крупных помещиков, крепостные крестьяне фактически были лишены личного пространства, находясь под постоянным контролем барина, доказывавшего крестьянам свое «благородство». О тяжёлой жизни крепостных крестьян у мелкопоместных дворян хорошо знали представители коронных властей и органов дворянского самоуправления. В частности, в отчёте курского губернатора накануне отмены крепостного права указывалось: «Отношение помещиков к крестьянам благоразумно и законно, что касается до мелкопоместных дворян, то за некоторыми исключениями, обращение их с крестьянами не всегда сообразно...»³².

К мелким помещикам крестьяне особого уважения не проявляли, тем более если они где-то работали по найму. А.Н. Энгельгардт приводит пример подобного отношения из своей обширной практики общения с крестьянами:

«Приехали ко мне как-то мужики покупать рожь на хлеб.

– Что же вы не покупаете у своего барина? – спросил я.

– Какой же у нашего барина хлеб, наш барин сам в батраках служит.

И сколько презрения было в этих словах. Барин, из небогатых, действительно служил управляющим у соседнего помещика»³³.

В таких помещиках крестьянам не хватало барскости, дворянского лоска.

Непосредственный досуг «мужиков-дворян», как отмечали современники, отличался бездельем, несмотря на то что отдельные источники указывают на их тяжёлый мужицкий труд. Истина, вероятно, где-то посередине: вариативность жизненных траекторий весьма обширна, и её нельзя свести к какому-то общему знаменателю. Е.Н. Водовозова в своих воспоминаниях делает акцент на безделье мелких смоленских помещиков: «Как и все тогдашние помещики, мелкопоместные ничего не делали, не занимались никакою работою. Этому мешала барская спесь, которая была ещё бо-

³¹ Борецкий А. Указ. соч. С. 339–340.

³² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 56.

³³ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1937. С. 278–279.

лее характерною чертою их, как и более зажиточных дворян. Они стыдились выполнять даже самые легкие работы в своих комнатах. Книг в их домах, кроме сонника и иногда календаря, не существовало, чтением книг никто не занимался, и своё безделье они разнообразили сплетнями, игрою в «дурачки» и «мельники» и поедом ели друг друга. Хозяева попрекали своих сожителей за свою жалкую хлеб-соль, а те, в свою очередь, – какими-то благодеяниями, оказанными им их отцами и дедами. Эти грубые, а часто и совершенно безграмотные люди постоянно повторяли фразы вроде следующих: «Я – столбовой дворянин!», «Это не позволяет мне мое дворянское достоинство!..». Однако это дворянское достоинство не мешало им браниться самым площадным образом»³⁴.

Скученность «мужиков-дворян» в рамках одного населённого пункта, их постоянные передраги приводили к частым массовым и кровавым дракам между отдельными семьями помещиков, включая женщин и детей. Самое непосредственное участие в них принимали и их крестьяне, «вооруженные дубинами, ухватами, сковородами»³⁵.

Как уже отмечалось выше, однозначно говорить о поголовной лени представителей беднейших слоёв помещиков вряд ли целесообразно. Об этом свидетельствуют материалы статистики и источники иного характера. Трудовая деятельность «мужиков-дворян» прямым образом отражала их хозяйственную повседневность. В.В. Морозан указывает, что в 1846 г. в 33 губерниях Европейской России количество дворян, имевших менее 10 крестьян, составило 167 530 человек. Из них лично занимались земледелием 106 200 (63,3 %) ³⁶. Чем для них был труд на земле, хорошо показал А.А. Потехин, выходец из костромской мелкопоместной семьи, в романе «Бедные дворяне» (1861) на примере семьи Никешки Осташкова, которая имела небольшой участок земли, но при этом не владела ни одной крепостной душой: «Осташковы во всем нуждались, и если не бедствовали, то, как говорится, едва-едва тянулись. Земля обрабатывалась без толка и небрежно, родила плохо, так что хлеба иногда не доставало и на собственное прокормление; остаток барской лени и беспечности мешали выучиться какому-нибудь ремеслу; зимой нечего было делать, и вся семья целых 6 месяцев отдыхала от летних трудов. О том, чтобы наняться на зиму в работники или взять на себя какой-нибудь труд по найму, никому и в голову не приходило, не потому, чтобы такого рода работа считалась унижительною для дворянской чести или гордости, а просто так, по привычке: ни при дедушке, ни при прадедушке этого не делалось»³⁷.

В данном текстовом фрагменте главными смысловыми отрезками являются «Земля обрабатывалась без толка и небрежно, родила плохо», что было следствием «остатка барской лени и беспечности». То есть современ-

³⁴ Водовозова Е.Н. На заре жизни: в 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 180–181. (Лит. мемуары).

³⁵ Там же.

³⁶ Морозан В.В. Указ. соч. С. 26.

³⁷ Потехин А.А. Указ. соч. С. 40–41.

никам было трудно понять, можно ли такую работу считать работой в её традиционном понимании.

Такие праздность и леность в работе «мужиков-дворян» были характерны и в пореформенный период»³⁸.

В отдельных случаях хозяйственного характера крестьяне притесняли «мужиков-дворян», пользуясь их бедностью и беспомощностью. В частности, в пореформенный период, владея мизерными участками земли без выгонов, «мужики-дворяне» были лишены возможности пасти скот на лугах. Пасли на стерпах. Но если корова или овца заходила на крестьянский выгон, мужики её «занимали», т. е. запирали и отдавали хозяину после выкупа³⁹. Жены беднейших дворян не от хорошей жизни нанимались батрачками на сельхозработы. Например, Н.А. Хлопов во время своей командировки в начале пореформенного периода, беседуя с «киенским дворянином» (хутор Киенский располагался на границе, где сходились Харьковской, Сумской уезды Малороссии, Рылъский и Путивльский уезды Курской губернии, и его сплошь населяли «мужики-дворяне»), получил ответ на вопрос о том, где находятся его родные: «– Жинка на бураках, у Терещенки, поденно, а сынок товар (скот) пасет. Жинка там на плантации и заночует: не близко ходить. А товар теперь уже скоро пригонит...»⁴⁰.

Отношение представителей верхних страт дворянства к «мужикам-дворянам», «панкам» хорошо показано в автобиографических очерках С.Н. Терпигорева (С. Атавы) «Потревоженные тени», где дядя Сережа был возмущён увиденной сценой драки во Всесвятском между Зыбиными и Чарыковыми, «в которой принимали участие и их крестьяне, вооруженные чем попало и бившие господ по чем попало. ...Дядя был возмущен и все говорил, что допускать существование подобных дворян – это значит позорить всех остальных, все сословие»⁴¹.

Сословные интересы, социальные ожидания, этикет, системы воспитания и образования, повседневные дискурсы у представителей верхних страт дворянства и «мужиков-дворян» фактически не имели точек соприкосновения. Среднепоместные и крупнопоместные дворяне не видели в представителях нижних подгрупп мелкопоместного дворянства своих собратьев по благородному сословию.

В рассматриваемом сюжете интересен дискурс осознания «мужиками-дворянами» своего места в сословной структуре. Кто они и к какой сословной общности принадлежат? Это не крестьяне и не дворяне, по сути, маргиналы, выпавшие из своего сословия, но не ставшие и представителями другой сословной общности.

В завершение необходимо обратиться к текстам фольклора, касающимся мелких помещиков, в частности, к народным пословицам и поговоркам, которые демонстрируют отношение крестьян к представителям

³⁸ Борецкий А. Указ. соч. С. 340.

³⁹ Хлопов Н.А. Указ. соч. С. 1033.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Указ. соч. С. 270–271.

«дна» поместного дворянства. Приведём наиболее яркие из них: «Хоть лыком шит – да барин!», «Хоть не стоит лыка, а ставь его – завелика»⁴², «Сколько дворов – столько господ», «Сам барин, сам холоп, сам и пашет, и орет, сам песенки поет и с крестьян оброк берет»⁴³, «Што это стало с панами? Бувало, один пан едит на шести конях, а теперь шесть панов едут на одном коне»⁴⁴. В данных пословицах и поговорках, несомненно, присутствует социальная ирония.

Реалии повседневной жизни низших подгрупп мелкопоместного дворянства не вписывались в каноны и представления о буднях российского благородного сословия. Их «усадьбы», больше похожие на избы беднейших категорий крестьян, внешний вид «мужиков-дворян», мало отличимый от мужицкого, социальные ожидания, не простирающиеся далее минимально необходимых жизненных благ, – всё это специфические черты данной сословной страты. В дореформенный период хозяйственная повседневность «мужиков-дворян» была тесно переплетена с крестьянской, нередко принимая формы совместного труда на земле. При этом современники отмечали, что особого рвения к работе у мелких помещиков не было, досуг не отличался особыми изысками: карты, сплетни, дразги, драки между отдельными семьями с участием собственных крестьян. Интерес к книгам, дискуссиям на различные «возвышенные» темы отсутствовал. Это не было поведением дворянина, учитывая, что в соответствии с особенностями социальной организации в сфере «заданного» поведения, выделяются различные типы: поведение крестьянина, воина, ремесленника и т. п.⁴⁵. Среди представителей элиты наиболее интересен поведенческий код (программа) дворянства, который во многом был опосредован спектром повседневных занятий. Исходя из того, что дворянство социально было стратифицировано, и поведенческие коды у представителей отдельных страт были различны. Как видим, «мужикам-дворянам» был присущ отдельный подтип дворянского поведенческого кода, который отражал их маргинальную сущность, что, собственно, отражалось на их повседневности.

Список литературы:

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянский обрядов. СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. *Беловинский Л.В.* Жизнь русского обывателя: изба и хоромы. М.: Кучково поле, 2012. – 400 с.

⁴² Сборник российских пословиц, поговорок, примет и прочее. (Русско-народная философия / Сост. Мери-Хови (отшельник). СПб., 1882. С. 113.

⁴³ Сборник российских пословиц и поговорок / Сост. И.И. Иллюстров. Киев, 1904. С. 90.

⁴⁴ К воле. Крепостное право в народной поэзии / Сост. Н.Л. Бродский. М., 1911. С. 157.

⁴⁵ *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 6.

3. Беловинский Л.В. Культура повседневности. М.: Академический проект, 2016. – 716 с.
4. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904. М.: Наука, 1979. 303 с.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. – 548 с.
6. Миронов Г.Е. История государства Российского: историко-библиографические очерки. М.: Кн. палата, 1995. – 734 с.
7. Морозан В.В. Мелкопоместное дворянство центрально-земледельческого района России в XIX веке // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX вв. СПб.: Исторический факультет Санкт-петербургского университета, 2012. С. 23–43. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 9).
8. О'Марра П. Русское дворянство времен Александра I. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 520 с. (HistoriaRossica).
9. Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М.: Молодая гвардия, 2006. – 347 с.
10. Erving Goffman The presentation of self in everyday life. University of Edinburgh. Social Sciences Research Centre, 1956. – 161 p.

Об авторе:

ШАПОВАЛОВ Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории и документоведения, Педагогический институт, НИУ «БелГУ» (Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85), e-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

«MUZHIKI–LANDOWNERS» IN THE CONTEXT OF RUSSIAN EVERIDAYLIFE IN THE LATE NINETEENTH – EARLY TWEN- TIETH CENTURY

V.A. Shapovalov

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

The article examines the everyday life of representatives of the “bottom” of the Russian landed gentry. The authors highlight the results of the renunciation of the noble life and economic activities of squirelets. The visualization of the living space and appearance of the squirelets was difficult to visibly correlate with the image of a manorial estate. At the same time, part of the squirelets was characterized by class arrogance, which manifested itself in relation to its several serf souls. «Muzhiki-landowners» often worked on the land together with their peasants. There were many illiterate people among them. In essence, they were a marginal social group.

This was directly reflected in their behavioral code, which did not coincide with either the code of the upper strata of the nobility or the peasant one.

Keywords: *squirelets, «muzhiki-landowners», «punks», peasants, everyday life, leisure.*

About the author:

SHAPOVALOV Vladimir Anatolyevich – Doctor of History, Professor, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, National Research University «BelSU» (Russia, 308015, Belgorod, Pobedy St., 85), e-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

References:

- Bajburin A.K., *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavyanskijobryadov*, SPb., Nauka, 1993. – 240 s.
- Belovinskij L.V., *Zhizn' russkogo obyvatelja: izba i horomy*, M., Kuchkovo pole, 2012. – 400 s.
- Belovinskij L.V., *Kul'tura povsednevnosti*, M., Akademicheskij proekt, 2016. – 716 s.
- Korelin A.P., *Dvoryanstvo v poreformennoj Rossii. 1861–1904*, M., Nauka, 1979. – 303 s.
- Mironov B.N., *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (HVIII – nach. XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*, T. 1. SPb., Dmitrij Bulanin, 2003. – 548 s.
- Mironov G.E., *Istorija gosudarstva Rossijskogo: istoriko-bibliograficheskie ocherki*, M., Kn. palata, 1995. – 734 s.
- Morozan V.V., *Melkopomestnoe dvoryanstvo central'no-zemledel'cheskogo rajona Rossii v HIIH veke // Social'no-kul'turnye aspekty istorii ekonomiki Rossii HIIH-HKH vv.*, SPb., Istoricheskij fakul'tet Sankt-peterburgskogo universiteta, 2012, S. 23–43. (Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU. T. 9).
- O'Marra P., *Russkoe dvoryanstvo vremeni Aleksandra I*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – 520 s. (HistoriaRossica).
- Ohlyabinin S.D., *Povsednevnaya zhizn' russkoj usad'by XIX veka*, M., Molodaya gvardiya, 2006. – 347 s.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.